

Евгений Цыбин

«Второй шанс»

(сиквел к рассказу Стивена Кинга «оставшийся в живых»)

1.

Дейв Харди захлопнул потрепанную и побитую погодой тетрадь, сбил пепел и глубоко вздохнул. Он сидел на скамье во дворе психиатрической больницы, в которую он пару дней назад привез практически четвертованное тело Ричарда Пайна.

Дейв уже 15 лет ходил на рыболовном судне, и чутье его не подводило не разу. На обратном пути очередного рейса они обходили скалистые рифы. Его внимание привлекло большое скопление чаек у одного из них. Судно раньше срока выполнило норму по улову, и у команды была пара дней в запасе. Дейв решил посмотреть, что там происходит. Наверняка кит-одиночка выбросился на берег и сдох. В последние годы то и дело натывались на случаи китового суицида, как взбесились они что ли. Вот и это наверно того, чокнулся и брюхом кверху, а птицы решили пожить. Матросы спустили шлюпку на воду. И капитан с двумя из них поплыли к рифам. Те были острыми как хорошо отточенные резцы мясорубки. Добравшись до места, Дейв увидел огромный клубок птичьих крыльев, сквозь который ничего нельзя было разобрать. Он выстрелил в воздух, и едва успел закрыть глаза рукой, как птицы разлетелись кто куда сломя голову, и хлопанье крыльев громом грянуло со всех сторон. В птичьей дерьме с трудом можно было разглядеть то, что привлекло их внимание. Это было человеческое тело, скорее туловище, телом его уже вряд ли можно было назвать. У этого парня, а это был парень, только и осталось, что одна рука (правая) и вторая до локтя, ног не было вообще и ушей тоже. Два обрубка-пенька торчало ниже паха. Мясо и кожа лохмотьями свисали на них, разорванные птицами. Он лежал лицом вниз, оставшейся рукой зажав героин. Именно это положение и спало ему зрение. Глаза – это первое, от чего избавляются чайки в первую очередь, как и любая хищная птица. Дейв перевернул тело, которое больше походило на медицинский экспонат. Явный передоз, заключил он, но парень еще жив, дышит. Щеки впали, кожа обвисла и сморщилась от потери веса и долгого нахождения в воде. Его срочно надо было обработать, пока гангрена не сожрала остатки того, что некогда называлось человеческим телом. Под ним Дейв и нашел почернившую от крови и сырости тетрадь, из которой узнал, что бедолагу зовут Ричард Пайн. И что он попал сюда после кораблекрушения и съел собственные конечности с голодухи, умело оттяпав их ножом, будучи хирургом.

Моряки погрузили Пайна в лодку и отплыли к судну.

2.

Вот черт! Какого хрена так болит голова? Стоп! Я жив?! Жив. Где я? Вокруг все белое, значит в больнице. Хаха, я же говорил, что выберусь! Что делать? Надо позвонить, чтобы меня забрали отсюда, но кому? Жене? Да, сейчас пойду и позвоню... Холера, у меня же нет ног! Вот так всегда, все самое ценное уходит в желудок. Хаха, аж смешно, мои ноги от меня ушли в желудок, хаха. Ммм...да, и рука тоже, и уши...А как теперь жить? Кому я теперь нужен? Уж точно не жене. Но у меня еще осталась правая рука. И что с того, оперировать я не смогу, разве что подрочить. Проклятье, как же трещит голова как спелый арбуз. Не пойму, чего-то так хочется, так не хватает? Кроме ног, рук и ушей, хаха?! Эх, сейчас бы горсть героинчика и все как рукой бы сняло. Какому же мудаку пришлось в голову меня подобрать! Сволочь! Так бы я уже сдох, а теперь как жить? Ну вот,

этого только не хватало, обмочился. Я же теперь и отлить сам не в состоянии! Голова! Сейчас лопнет!

- Медсестра! Сестра! Черт, хоть кто-нибудь!

В палату вошла толстенная негритянка, переваливаясь с ноги на ногу, словно неся свое грузное тело на себе как шубу.

- Чего разорался? Тебе еще повезло, что ты живой! Радоваться надо и благодарить Бога, а ты горланишь как недорезанный.

- Заткнись, старая дура, я и так недорезанный, хаха, не видно что ли! У меня голова раскалывается, принеси какой-нибудь обезболивающей хрени, а еще лучше героина.

- Ага, сейчас! Тебе в какой расфасовке...?

- И еще, я обмочился, сделай с этим что-то.

Сестра взяла Пайна под мышки и как младенца перенесла на кресло. Затем сгрэбла постельное белье в охапку и ушла.

- Холера, чувствую себя как щенок нагадивший, она бы еще за шкурку меня взяла.

Мери, так звали медсестру, вошла, толкнув дверь своим увесистым задом. Руки у нее были заняты. В одной она несла белье, а в другой поднос со стаканом воды, пилулями и шприцем. Ловкими движениями застелив постель, она стала менять мокрые бинты. Тут у Пайна случилась эрекция, такое бывает не произвольно от нервного напряжения.

- Оставь! Я сам! – заерзал смущенный Риччи.

- Успокойся и лежи смирно, что ты как червь на крючке! Я по-твоему такого никогда не видела что ли? Да я уже 20 лет замужем, медсестра и того дольше.

Закончив пеленать, она помогла Пайну выпить успокоительное и снотворное и, нащупав подходящую вену на здоровой руке, вколола обезболивающее.

- Сейчас ты заснешь. Как проснешься, позвони в звонок, - она указала кивком головы на кнопку возле кровати, и ее тройной подбородок затрясся как холодец, - я приду и принесу поесть. Тебе надо сейчас хорошо есть, чтобы все зажило.

Она ушла, переваливаясь как гусыня.

- Черта с два! – думал Пайн, - выздороветь! – он перековеркал ее. Хаха, зачем? Чтобы всю жизнь вот ТАК! Хренушки! Надо выбираться из этого мира, задержался я тут. Хватит, пожил...

Перед глазами Ричарда все поплыло. Он словно проваливался в колодец, но падать было так приятно, и голова перестала болеть. Обезболивающее подействовало, и Пайн уснул.

3.

Риччи открыл глаза. По палате разгуливали чайки. Те самые, которых он так метко нокаутировал камнями и съел, оборвав их никчемные жизни ради утоления голода. Головы у них болтались на шкуре как на соплях, шеи сломаны, а с перьев горохом скатывались капли крови. Чайки прыгали, галдя и вторя друг другу: «Съешь меня! Съешь меня!». Одна запрыгнула на кровать и стала шептать хриплым голосом: «Ты хочешь убить меня? А может героинчику? Попади в меня! Слабо?!». При этом один глаз ее вывалился ему на голову, скатился по лицу и упал на пол. От всей этой птицефермы несло гнилью и дохлятиной. Другие птицы собрались вокруг кровати и словно лозунг скандировали: «Съешь меня! Съешь меня! Съешь меня!». А безглазая сидела у изголовья и твердила заевшей пластинкой: «Героинчику?! Героинчику?!».

Все слилось в один сплошной гул. Перед глазами мелькали силуэты чаек. Голова шла кругом. А чайка галдела: «Ты не хочешь героина? Может меня? Я жирная, съешь меня! Героинчику...Съешь меня...Героинчику...Съешь меня...Съешь...».

Пайн проснулся. Пот градом лился по спине. Сердце клокотало и стучало как старый движок. В ушах все еще звучало «Съешь! Съешь! Съешь!».

Отдышавшись, он понял, что это был сон. Всего лишь кошмарный сон. Голоса стихли. Комната была пустой. Ни следа чертовых птиц. Сон. Просто сон.

4.

Ричард нажал на звонок.

Спустя минуту в дверях появилось тучное тело Мери с подносом.

- Голоден?

- А ты думаешь? Я не ел...а черт его знает сколько я не ел. Давно я здесь?

- Пару дней. Тебя привез Дейв Харди, так он назвался. Кстати, он ждет тебя. Я отослала его погулять, пока ты проснешься и поешь.

Содержимое подноса кусок за куском исчезало у Пайна во рту.

- Вот увидишь, мы тебя выходим, - как-то в полголоса произнесла Мери, расплывшись в загадочной улыбке. Глаза у нее стали черными и отблескивали как у тех чаек.

- Ешь, ешь! – повторяла она.

«Съешь! Съешь!» отдавалось эхом в голове Ричарда.

5.

- Привет, малыш, я Дейв. Дейв Харди.

- Я так и понял. Мери, медсестра, говорила о тебе. Какого черта тебе надо?

- Ричи, Ричи, какая неблагодарность, зачем так грубить старому знакомому.

- Чего?! Я вижу тебя в первый раз!

Дейв подошел ближе. Сел в кресло, закинув ногу на ногу, и ухмыльнулся.

- Я вижу наркота и голод отшибли тебе память. Или вы все, п...медики, туговаты на нее, когда дело касается пациентов?

- Иди к дьяволу, я не знаю тебя и о чем ты!

- Возможно, зато отлично знаешь мою дочь, Кэтти, или ее ты тоже не помнишь?

Ты прооперировал ее два года назад, а когда ей не стало лучше, прописывал обезболивающее не из дешевых. Я из кожи вон лез чтобы достать их. А она все увядала как цветок, который срезали под корень.

- Да, я помню, кажется, у нее был аппендицит.

- Вскрытие показало, что произошло заражение крови.

- Вскрытие?!

- Да, она мертва, и ты мне за это ответишь!

- Сволочь! Зачем ты припер меня сюда? Почему не бросил умирать на рифе на съедение чайкам? Хм...то, что я сам не доел. Хаха

- Я решил, что это слишком легкая смерть для такого подонка как ты. Ты будешь сдыхать, пес-калека, долго и мучительно, осознавая свою беспомощность и безвыходность положения. Как моя Кэтт. Она рассчитывала на твою помощь и умерла в муках. Кошмары сожрут твой мозг. И НИКТО тебе не поможет!

- Убей меня, мерзкий старикашка, если сможешь! Убей! А то я...убью...тебя!

Мольба и злость перемешались во едино.

Харди рассмеялся смехом заядлого курильщика, вперемешку с кашлем. Он подошел ближе к изголовью кровати и прошептал:

- Что ты можешь, полено? Только угрожать.

Тут Пайн изо всех сил вонзил пальцы в глаза Харди. Хриплый крик разорвал прокуренные легкие Дейва. Кровь струилась по его лицу. Он зажал глазницы руками, сквозь пальцы которых вытекала жизнь алого цвета.

Вбежала медсестра. Увидев пятна, она все поняла и под руку вывела Харди из палаты.

Ричард лежал на кровати, закрыв глаза. В голове как пленка проматывалось все произошедшее. Окровавленная ладонь прилипла к одеялу. Отодрав ее, он посмотрел на руку, попробовал, как пальцы липнут друг к другу произнес в полголоса:

- Пусть я сдохну, вот только ты этого не увидишь!

6.

Спустя пару недель Мери гуляла с Ричи по территории психушки, везя его в кресле.

- Я читала о тебе в газете. «Хирург-убийца оправдан» Да ты просто везунчик, выжить и остаться на воле. Из чего твоя рубаха, парень? Хотя в твоём нынешнем положении тебе не позавидуешь, это уж точно.

- Мери, а ты любишь подарки?

- Конечно! Кто же их не любит! Иногда правда дарят всякую дребедень, что и не знаешь куда её приткнуть, но все равно приятно. Вот, например, подарила мне кузина картину с цветами. Ну на кой мне картина! Не люблю я их. Я забросила её на чердак, а недавно моя внучка Джеки нарисовала на стене в гостиной отменного зайца над диваном. Тут я и вспомнила про картину. Вышло как нельзя кстати.

- Вот именно, Мери, порой начинаешь ценить подарок по настоящему только тогда, когда поймешь его значимость в твоей жизни. Особенно если это подарок судьбы...